

Толпа людей шумным потоком хлынула к дому Чэн. Тетушка Цзиньхуа, жившая ближе всех, первой влетела во двор...

Она решительно заслонила Вэй Цю собой, демонстративно игнорируя хаос и обломки во дворе семьи Чэн.

«До чего же ребенка довели!» — только и мелькнуло у неё в голове.

— Чэн Гуанцзун, ты, мелкий щенок, что удумал? Как ты с Цю-гэром разговариваешь? — закричала Цзиньхуа, завидев яростное лицо парня, который, казалось, готов был наброситься на Вэй Цю.

— А тебе какое дело? Это мой дом! — огрызнулся Гуанцзун, глядя на прибывающую толпу.

— Ишь ты, какой дерзкий! Твой дом? Ну и что, что твой? Думаешь, раз в своем доме, так можно людей тиранить и законы не соблюдать?..

— Кто кого тиранит? Это он ворвался и всё разгромил! Вы что, ослепли? Где справедливость?.. — Гуанцзун был в бешенстве от этих «дикарей».

— Он разгромил? — Цзиньхуа с недоверием оглядела хрупкого Вэй Цю. — Да ты в наглую на него напраслину возводишь! Посмотрите на эти тонкие ручки — кто поверит, что он на такое способен?

Деревенские тоже согласно зашумели: никто не верил Чэнам.

— Расступись! Староста и ричжэн идут! — толпа раздалась, пропуская начальство.

Староста и дядя-ричжэн с суровыми лицами вошли во двор.

— Опять скандалите? Что на этот раз?

— Цю-гэр, а ты-то как здесь оказался? — ричжэн покосился на выбитые ворота и обратился к Вэй Цю.

— О... я просто зашел проверить, правда ли семья Чэн по миру пошла. А то тут одна тетушка к нам прибегала и с ходу потребовала пятьдесят лянов, чтобы мы всю их ораву содержали... — спокойно и с легкой улыбкой ответил Вэй Цю.

— Да пошли они к черту! Пятьдесят лянов? Это же грабеж среди бела дня! — деревня мгновенно взорвалась возмущением.

— Совсем стыд потеряли...

— Где Цянь-ши? Кто это сказал? Пусть выйдет! — громогласно приказал разгневанный староста. Такое поведение было прямым вызовом его решению о разделе хозяйства.

— И Чэн Пингуя позовите! Где этот «глава семьи», когда такой позор творится? — ричжэн гневно сверкнул глазами на домочадцев Чэн.

— Сами требовали раздела, а теперь сами же и покой нарушаете! Вы меня, старосту, вообще ни во что не ставите?

— Что значит «мы нарушаем»? Вы что, ослепли? Эта дрянь ворвалась к нам и устроила погром!

— взвизгнула старуха Чэн.

— Замолчи! Позовите Цянь-ши, и всё сразу станет ясно, — оборвал её староста.

— Идет! Идет! — закричали снаружи. Цянь-ши, кое-как выбравшись из канавы, вся дрожа, ковыляла к дому.

Войдя во двор и встретив десятки недобрых взглядов, она сразу почуяла неладное. Что этот паршивец успел наговорить?

— Цянь-ши! Зачем ты сегодня ходила к Цю-гэру? — нетерпеливо спросил староста.

Она отвела глаза и замялась: — Я... да я ничего... просто проведать зашла...

— Проведать? В такой холод? Какая же ты заботливая! — саркастично вставила подоспевшая тетушка Цянь.

Она первым делом осмотрела Вэй Цю, а убедившись, что он цел, принялась честить соседку.

— А что такого? Разве нельзя проведать? Она — старшая, он — младший, в чем преступление? — встряла старуха Чэн.

— Не надо, — холодно прервал её Вэй Цю. — Мы в такой «заботе» не нуждаемся. Сегодня утром ваш «ученый» сынок заявлялся, и я ему ясно сказал: мы разделили хозяйство и больше друг к другу не относимся. Мы — не одна семья, и ваши дела нас не касаются. Но, видимо, человеческого языка вы не понимаете. — Вэй Цю ледяным взглядом уставился на старуху.

— Что значит «не понимаем»? Я — старая женщина, и если мне нужно кого-то позвать, я не обязана с тобой советоваться! — закричала старуха.

— Довольно! — Староста в крайнем раздражении ткнул пальцем в сторону Цянь-ши. — Говори прямо: требовала серебро у Вэй Цю?

Цянь-ши вздрогнула. Она перевела взгляд с яростной старухи Чэн на Пингуя, который забился в угол и молчал. Поняв, что терять нечего, она шлепнулась на землю и запричитала:

— Оговорили! Нет в мире справедливости! Мать пришла на сына посмотреть, а её грязью поливают! Жить не хочу...

Старуха Чэн зажмурилась и подхватила вой: — Старик мой, посмотри с того света! Эти неблагодарные твари на голову мне сели, сироту-старуху обижают... За что мне такая доля? Вырастила волка, который родную бабку знать не хочет...

Они завывали в два голоса так, что слышно было за версту.

Вэй Цю равнодушно наблюдал за этим спектаклем.

Соседка из семьи Ван, видя смятение толпы, робко вставила: — Может... может, ну его? Пусть встает Цянь-ши, холод ведь такой, простудится...

Тетушка Цянь язвительно отрезала: — Простим? У тех, у кого кожа на лице толще городской стены, кости, небось, из стали — не простудится.

Гуанцзун помог матери встать и злобно уставился на Вэй Цю: — Доволен? Устроил бедлам в

нашем доме! Теперь ты счастлив?

Вэй Цю спокойно ответил: — Кто первый начал — тот и виноват. Во-первых, вы сами пришли к нам за нагоняем. Во-вторых, твоя мать лично потребовала у меня деньги. Пятьдесят лянов сразу, по два ляна ежемесячно после Нового года, да еще и рецепты мои вынь да положь! Это вы с ума сошли или я? Я вам что-то должен? Видал я бесстыдников, но вы — превзошли всех! У вас в доме трое здоровых мужчин — неужто не прокормите двух женщин? Будь я на вашем месте, я бы от стыда удавился, а вы еще смеете в глаза людям смотреть...

— И то правда! Семья полна мужиков, а требуют пятьдесят лянов. Совсем спятили!

— Да ясно же — сыночку долги отдавать нечем, вот и пошли грабить.

— Разделились же! Какие еще два ляна в месяц, какие рецепты... Бесстыдники!

Деревенские наперебой осуждали семейство Чэн. Если слух об этом разойдется, позор падет на всю деревню.

Староста и ричжэн переглянулись. Гнев душил их.

— Чэн Пингуй! Ты сам хотел раздела. Вы выставили Шинаня и его фулана из дома, не дав им ни зернышка, только старую хижину... У детей маковой росинки во рту не было, а теперь у вас хватает совести требовать серебро и рецепты? Вы что, забыли последнюю строчку в договоре о разделе?

Пингуй с застывшим лицом вышел вперед: — Я об этом ничего не знал. Я её не посылал!

— Не знал? Ты в этом доме хозяин или кто? Если ты ничего не решаешь, то зачем мы вообще те бумаги писали? Для забавы? — Староста был в ярости.

Пингуй не нашел, что ответить.

— Раз не можешь навести порядок — открываем родовой зал (Цытан — храм предков)! — раздался холодный голос позади.

Все обернулись. Во двор вошли Чэн Шинань, Мэн Цюань и остальные парни. Мэн Цюань, Цянь Мин и Цянь Бао кивнули Вэй Цю в знак приветствия. Шинань подошел, обдавая всех ледяным холодом.

— Шинань, ты уверен? — серьезно спросили староста и ричжэн.

Шинань подошел к Вэй Цю и взял его за холодную руку.

— Уверен. Открываем родовой зал!

Он повернулся к Мэн Цюаню: — Друг, выручай. Съезди в деревню Даси, пригласи старейшин рода Сюэ (семья матери Шинаня)...

Мэн Цюань кивнул и уже собрался уходить, как старуха Чэн истошно завопила: — Не пущу! Никто никуда не поедет!.. — Она злобно уставилась на внука: — Тварь, ты что удумал?

— Что я удумал? Я исполню ваше желание. Раз хотите считаться — посчитаем всё до последней капли, — буднично ответил Шинань.

Вэй Цю при виде мужа невольно улыбнулся. Шинань же с болью в сердце сжал его ледяную ладонь.

— Мне не холодно... — шепнул Вэй Цю.

Шинань молча и строго посмотрел на него. Вэй Цю потер нос и виновато улыбнулся.

— Думаешь, я испугаюсь твоих Сюэ? Мечтай! — продолжала хорохориться старуха.

Староста и ричжэн были поражены наглостью Чэнов, но не удивлены.

— Раз решено — идем в родовой храм! — не дожидаясь ответа, они зашагали прочь.

Вэй Цю проводил их взглядом, а затем с усмешкой посмотрел на Цянь-ши. Та побледнела и не смела даже пикнуть.

Когда Мэн Цюань уже собирался уезжать, Пингуй крикнул: — погоди!..

Все остановились. Пингуй выглядел крайне неловко.

— Дорога скользкая, не стоит беспокоить старейшин Сюэ из-за такой ерунды. Не надо мучить стариков. Просто скажи, чего ты хочешь?

Шинань посмотрел на отца как на совершенно чужого человека: — Чего Я хочу? Это вы пришли нарушить наш покой!

— Ой, да ладно! Нечего с ним разглагольствовать! — вспыхивый Мэн Цюань потащил Шинаня к храму предков.

Толпа повалила следом. Все замерзли на улице, а в родовом храме можно было хоть погреться у огня... Сегодня намечалось великое зрелище.

Раз Шинань решил звать родню по материнской линии, добром это не кончится. Впрочем, семья Чэн сама затянула петлю на своей шее — они просто не оставили людям выбора.

Вэй Цю шел рядом с мужем и потихоньку пощекотал его ладонь указательным пальцем... По тому, как Шинань хранил молчание, Вэй Цю понял: муж не на шутку рассержен.

Пройдя немного, Шинань заметил, что Вэй Цю до сих пор тащит в другой руке мотыгу. Вспомнив развороченные ворота дома Чэн...

Шинань посмотрел на невинно улыбающегося Вэй Цю, и его губы мелко дернулись в попытке сдержать нервный смешок.